

О ВЕРЕЩАГИНЕ Д. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВЕРЕЩАГИН Дмитрий Иванович. Получил высшее образование, работал главным инженером на электростанции "Красный Октябрь" в Ленинграде. В середине 1920-х — был командирован в Америку. В конце 1920-х — руководил возведением электростанции в Кондопоге. 25 сентября 1930 — арестован и заключен в тюрьму.

В ноябре 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Римма Николаевна Андреева-Верещагина.

«Римма Николаевна
ВЕРЕЩАГИНА
Ленинград,
Лесная ул<ица>, д<ом> 19

Ленинград, 5 ноября 1930 г<ода>

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Вы, наверное, очень удивитесь, что получите это письмо от меня, по фамилии совершенно Вам незнакомого, почему с первых же шагов и считаю нужным объяснить, что я родная сестра покойного ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, которого Вы так хорошо знали. Помню я, как часто в беседах со мною в наших с ним разговорах, пестрели имена Алексея Максимовича, Екатерины Павловны и других, так тесно сплотившихся в то время людей. Многое, многое сейчас приходит на память, и как это было сравнительно недавно и в тоже время так давно, после всего пережитого нами за последние два десятка лет. Помню я то возмущение, которое охватило нас, когда вагон с М. Горьким был отцеплен и послан куда-то не по адресу (кажется, в Подольск), куда к нему и выехал брат Леонид вместе, на сколько помню, с Буниным и мне врезалась в память, со слов брата, что первая забота и вопрос Алексея Михайловича о его семье.

Но не буду отнимать у Вас время на воспоминания, а перехожу к изложению того обстоятельства, из-за которого я решилась беспокоить Вас письмом и просить у Вас совета, как мне быть и что предпринять в дальнейшем, зная как Вы всегда сочувственно относились ко всем находящимся в затруднительном положении лицам. Заранее только извиняюсь, что письмо написано несколько безалаберно, одна мысль прерывает другую, но я нахожусь в настолько нервном состоянии, что, написав это письмо, я не рискнула его отправить Вам, не дав переписать на машинке, чтобы не заставляя разбираться еще в моих нервных каракулях с пропущенными буквами, слогами и т<ому> п<одобное>.

Вот уже прошло полтора месяца, как со мною стряслась беда: в ночь на 25 сентября мой муж инженер Дмитрий Иванович Верещагин был арестован и увезен из дому. Сколько я с того времени ни старалась, ни предпринимала различных шагов, ни подавала разного рода заявлений — я не могу добиться, где он и что с ним. Каждую неделю в установленный день я посылаю ему передачу, но мне в приеме отказывают, не объясняя причины, а ограничиваясь лишь "не велено принимать". Не приняли от меня даже передачи ему и запасного для смены белья, так как он при аресте ничего с собою не взял и, хотя я получила от него письмо 16 октября, помеченное 30 сентября, с просьбой прислать ему две смены (письмо прошло через цензуру), но, и несмотря на это, белья даже для смены грязного от меня не принимают.

К этому присоединилось еще то затруднительное положение, что при обыске были взяты из стола находившаяся там книжка Сберкассы на сумму 800 или 900 руб<лей>, и наличные деньги тоже, приблизительно на

такую же сумму и оказавшиеся среди них 15 долларов (муж несколько лет тому назад по командировке был в Америке) и, таким образом, я с малолетним сыном осталась без копейки денег. Просила, чтобы муж прислал мне доверенность на получение причитающихся ему денег как зарплаты и вознаграждение за экспертизы, но и это остается без исполнения.

К этому присоединяется еще то, что я сама лично сильно больна, так что арест мужа застал меня лежащую по предписанию врачей в постели (теперь волей неволей приходится ходить с болью, но бродить не только по квартире, а даже выезжать в учреждения). Муж и на книжку отложил деньги, чтобы деньги были в сохранности на случай, если придется делать операцию и затем послать меня на курорт, а тут все так вышло. Нужно упомянуть, что, хотя муж мой, много работая в различных учреждениях, зарабатывал очень хорошо (не менее 100 руб<лей> в месяц), но та наличность, какая отобрана при обыске, были все наши "сбережения", если их можно назвать так, так как на них мы жили и кормились от одной полочки до другой.

К этому присоединяется еще тяжелым камнем сознание того, что муж мой ни в коем случае не был и по характеру своему не мог быть причастен к какому либо "вредительству" и другим преступлениям против правительства. Он честно и по мере сил отдавал их все, свою энергию и знания на пользу скорейшего создания тех больших и важных для индустриализации страны работ, какие на него возлагались. Достаточно упомянуть, что он являлся главным инженером, создавшим электростанцию "КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ" под Ленинградом, после чего ему было поручено возведение электрической станции в Карелии и в Кондопоке, которая также почти уже закончена и пущена в ход. Его честное отношение к выполнению своих обязанностей могут подтвердить все, кому только приходилось с ним сталкиваться за его долгую, полувековую жизнь, и я уверена, что все это должно выясниться при следствии, но в то время мое положение и положение его сына сейчас ужасное, и я теряю просто голову, как и что дальше предпринять.

Вот поэтому-то, многоуважаемая Екатерина Павловна, и обращаюсь к Вам за советом, не откажитесь написать, как, куда и что мне предпринять, чтобы возможно скорее выяснить дальнейшее положение и выяснить вопрос о возможности дальнейшего моего существования. Я уверена, что, если бы сейчас был жив покойный мой брат Леонид, то он всецело присоединился бы к моей просьбе и высказался бы в том же смысле, как делаю я — о том, что по отношению к моему мужу здесь одно недоразумение, и такой честно выполнявший всегда свои обязанности человек, как Дмитрий Иванович, — не может быть преступником.

Еще раз прошу извинить, что беспокою Вас таким письмом.

Остаюсь уважающей Вас

Ф. Н. Андреева-Верещагина»¹.

Дмитрий Иванович Верещагин был приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край, где 10 июля 1933 — скончался².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 477. С. 125. Машинопись, подпись — автограф.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 118.